

КОГДА ПАМЯТЬ —
ПОСЛЕДНЯЯ ЗАЩИТА
ОТ ТЬМЫ

СВИДЕТЕЛЬ

ВЛАДИСЛАВ СМОЛИН

Владислав Смолин

Свидетель

<https://litres.ru/74506783>

Аннотация

Что страшнее — чудовище в темноте или вопрос, способный разрушить весь мир? Двенадцатилетний Фенрис Кроу — единственный, кто выжил после жестокого убийства своей семьи. Его привозят в Скиадэль, город, которого нет ни на одной карте: здесь туман хранит чужие имена, а под древними улицами спит нечто, ожидавшее тысячи лет. Пока жители ищут ответы, Фенрис начинает задавать вопросы, которых никто не решался произнести вслух. Но некоторые вопросы способны изменить не только судьбу человека — они меняют саму реальность. «Свидетель» — мистический роман о памяти, выборе и цене истины.

Предисловие

Каждая история начинается по-разному.

Одни — с рождения героя.

Другие — с первого убийства.

Третьи — с древнего пророчества.

Но эта история начинается с запаха.

Не с крика.

Не с крови.

И даже не со смерти.

Она начинается с едва уловимого сладковатого запаха с металлическим привкусом — запаха, который невозможно забыть, если однажды вдохнул его полной грудью. Двенадцатилетний мальчик запомнит его на всю жизнь. Тогда он ещё не будет знать, что именно чувствует. Лишь годы спустя поймёт: так пахнет не смерть.

Так пахнет тайна.

Есть книги, которые рассказывают истории.

Есть книги, которые задают вопросы.

А есть книги, которые делают нечто гораздо более опасное — они заставляют читателя усомниться в ответах, с которыми он прожил всю жизнь.

«Свидетель» — одна из них.

Это история о городе, которого нет ни на одной карте, но который многие однажды узнают, словно уже бывали в нём. О тумане, скрывающем не улицы, а воспоминания. О реке, уносящей не тела, а имена. О старых мостах, которые пом-

нят шаги тех, кто так и не вернулся назад. О масках с закрытыми глазами, ожидающих своего часа в глубине каменных подземелий. О колодцах, где эхом звучат давно забытые голоса. И о тенях, которые становятся страшными лишь тогда, когда мы перестаём смотреть им в лицо.

С самых первых дней нас учат выбирать между двумя дорогами, двумя сторонами, двумя истинами. Нам говорят, что выбор — единственный путь к свободе.

А что, если настоящая свобода начинается в тот момент, когда человек отказывается выбирать из заранее предложенных вариантов?

Что, если самый опасный поступок — не восстать.

А спросить:

«Почему?»

Именно этот вопрос способен разрушить империю.

Именно этот вопрос способен победить страх.

Именно этот вопрос способен изменить мир.

Главный герой этой книги не родился героем.

Он не был избранным.

Не обладал великой силой.

Он просто оказался единственным, кто не согласился принять готовый ответ.

И иногда этого оказывается достаточно, чтобы изменить судьбу не только одного человека, но и целого мира.

Я не стану рассказывать вам, о чём эта книга.

Для каждого она окажется своей.

Кто-то увидит историю взросления.

Кто-то — мистический детектив.

Кто-то — философскую притчу о свободе выбора.

Кто-то — рассказ о любви, утрате и надежде.

А кто-то узнает в ней самого себя.

И если однажды, закрыв последнюю страницу, вы поймаете себя на мысли, что начали внимательнее смотреть на мир вокруг, — значит, эта история выполнила своё предназначение.

Есть лишь одна просьба.

Когда окажетесь в Скиадэле, не спешите искать ответы.

Прислушайтесь к туману.

Задержитесь на Мосту Вздохов.

Остановитесь у Колодца Грехов.

Не отводите взгляд от масок.

И если вам покажется, что город наблюдает за вами...

Не пугайтесь.

Возможно, он просто ждёт, когда вы зададите свой первый вопрос.

Добро пожаловать в Скиадэль.

Добро пожаловать в историю Фенриса Кроу — мальчика, который выжил, человека, научившегося спрашивать, и Свидетеля, осмелившегося изменить правила игры.

Помните только одно.

Не бойтесь теней.

Они рождаются не там, где нет света.

Они рождаются там, где перестают искать истину.

И, быть может, именно поэтому первый шаг к свету всегда начинается с вопроса.

Добро пожаловать.

История уже ждала вас.

Часть первая: Пепел: «Ребёнок, переживший тьму, сам становится источником света — или новой тьмой»

Глава 1. Запах, что остаётся навсегда

Фенрису Кроу двенадцать лет, и он знает, как пахнет смерть.

Это не книжное знание. Не киношное. Это запах, который въедается в память навсегда — сладковатый, тошнотворный, с металлическим отливом. Запах крови, смешанной с ночным воздухом.

Он стоит на пороге дома, которого больше нет. Вокруг снуют люди в форме, мелькают вспышки фотоаппаратов, кто-то пытается накинуть ему на плечи одеяло. Фенрис не чувствует холода. Он чувствует только одно: Он там. Смотрит из темноты.

Фенрис поднимает глаза к окнам соседнего дома. Третий этаж, крайнее правое. Штора колыхается, хотя все окна закрыты.

— Мальчик, пойдём, — голос женщины в форме звучит далеко, как сквозь вату.

Фенрис делает шаг назад. Потом ещё один. Потом поворачивается и идёт к машине, не оборачиваясь.

Он знает, что тот, кто это сделал, ещё вернётся. Не за ним. За тем, что внутри него.

Он не знает, откуда это знание. Оно просто есть. Как есть фигурка в кармане — тёплая, всегда тёплая, даже в этот ледяной октябрь.

Позже, разбирая скудные пожитки, которые отдали соцработники, он найдёт среди отцовских инструментов визитную карточку: «Д-р Соломон Райт, психиатр». Адрес размыт, но фамилия врежется в память. Тогда он ещё не понимает, что это первая зацепка.

Понял задачу. Работаю строго по уже готовой книге — дополняю, а не переписываю. Сохраняю весь твой текст, вшиваю в него детективные документы, расширяю сцены и диалоги, углубляю атмосферу Скиадэля.

Газета «Скиадэльский курьер», 12 октября, утренний выпуск

ДВОЙНОЕ УБИЙСТВО В ДОМЕ НА УЛИЦЕ ТЕНЕЙ

Вчера поздно вечером в тихом квартале на улице Теней было совершено жестокое преступление. Супруги Кроу, Марта и Йонас, найдены мёртвыми в собственной спальне. По предварительным данным, смерть наступила от множественных ножевых ранений. Мотивы убийства выясняются. Двенадцатилетний сын погибших, Фенрис Кроу, обнаружен на месте преступления без физических повреждений, но в глубоком шоке. Мальчик не даёт показаний. Полиция обращается ко всем, кто мог видеть подозрительных лиц в райо-

не улицы Теней между 22:00 и 2:00, с просьбой сообщить по телефону 03-12 (участок №4, следователь Ольсен).

Стенограмма допроса, 13 октября, участок №4. Беседу ведёт следователь Ольсен.

Ольсен: Добрый день, Фенрис. Ты можешь не говорить, просто кивай или мотай головой. Ты помнишь вчерашний вечер? Вы ужинали, и что было потом?

Мальчик сидит неподвижно, смотрит в стол.

Ольсен: Ты кого-нибудь видел? Может быть, тень, шум за окном, посторонние звуки?

Молчание.

Ольсен (обращаясь к психологу): совсем не реагирует. Отвезите его пока в центр.

Примечание следователя Ольсена: «Мальчик что-то скрывает. Он не просто испуган — он словно ожидает чего-то. В кармане куртки нашёл деревянную фигурку солдатика и визитку доктора Райта. Оставил у себя — возможно, пригодится».

Фенрис слышал их голоса, но слова проходили сквозь него, как вода сквозь сито. Он сидел в холодной комнате, сжимая в кулаке фигурку, и перед глазами стоял один и тот же кадр: дверь в спальню родителей приоткрыта, полоса све-

та, и в этой полосе медленно оседает чёрная фигура с глазами, светящимися, как угли.

Запах. Сладковатый, с металлическим отливом. Он не уходил, даже когда Фенриса привезли в приют, даже когда наступил следующий день, и ещё один, и ещё.

Смерть не пахнет мертвечиной, как думают многие. Она пахнет сырым железом и чуть-чуть — приторными духами, которыми мама душилась перед сном. Запах въедается в ноздри и остаётся навсегда, как клеймо, как первая зацепка в деле, которое никто не сможет раскрыть.

Фенрис знал, что убийцу не найдут. Не потому, что плохо ищут, а потому что искать нужно не среди людей.

Он не мог объяснить эту уверенность. Она просто была. Как тепло фигурки в кармане. Как визитка, которую он нашёл среди отцовских инструментов. «Д-р Соломон Райт, психиатр. Улица Скорбящих, 7». Адрес почти стёрся, но имя врезалось в память.

Почему отец хранил эту визитку? Они никогда не ходили к психиатрам.

Фенрис поднёс фигурку к лицу. Солдатик был вырезан из тёмного дерева, и на дне виднелись буквы: К.И.Н. Или К.А.Н. Буквы дрожали в тусклом свете, будто дышали.

Он вдруг вспомнил, как отец показывал ему эту фигурку в последний вечер. «Я нашёл её в земле, когда копал колодец, — сказал он. — Она очень старая. Может, она приносит удачу».

Удача. Фенрис горько усмехнулся про себя.

Ночью, когда дети в приюте уснули, он сел на кровати и уставился в тёмный угол. Тени двигались. Они всегда двигались с тех пор, как он себя помнил. Но после той ночи они стали смелее. Они тянулись к нему, и одна из них, самая густая, сгустилась в подобие лица.

— Спрашивай, — прошелестело из угла. — Ты должен спрашивать.

Фенрис не испугался. В нём что-то сломалось, и страх ушёл, уступив место холодному, липкому вниманию.

— Кто ты? — спросил он беззвучно, одними губами.

Тень не ответила, но из неё вытянулась тонкая рука и указала на визитку.

— Иди. Он ждал.

Утром Фенрис спрятал визитку в карман, к солдатику, и впервые за несколько дней почувствовал что-то похожее на цель. Он не знал, кто такой Райт и почему тень указала на него. Но это была зацепка. Единственная.

Вырезка из газеты «Скиадэльский курьер», 15 октября, страница 3

ТАЙНА ДОМА НА УЛИЦЕ ТЕНЕЙ ОБРАСТАЕТ СЛУХАМИ

Соседи семьи Кроу утверждают, что за неделю до трагедии Йонас Кроу обращался к ним со странными вопроса-

ми: он искал специалиста по старым культам и интересовался подземными ходами под городом. «Он говорил, что нашёл в земле что-то, что не должно было там лежать», — рассказала г-жа Бергер, проживающая по соседству. Полиция от комментариев воздерживается. Напомним, расследование продолжается.

Фенрис прочитал эту заметку только через несколько месяцев, когда уже жил у Петры и Якоба, новых родителей. Он нашёл её в кипе старых газет, которыми Якоб разжигал печь. Вырезка была неполной, но имя отца и слово «культ» впечатались в память.

Значит, отец что-то искал. Что-то, связанное с фигуркой и подземельями. Значит, убийство могло быть не случайным. И доктор Райт... был ли он тем специалистом?

Фенрис сложил газету и спрятал в свой блокнот. Теперь у него было две зацепки: визитка и заметка. Две нити, ведущие в темноту, которую он пока не решался распутывать.

Глава 2. Язык, состоящий из теней

Выписка из карты воспитанника приюта Святого Варфоломея, № 47-К. Заведующая — г-жа Айзен.

Поступил: 14 октября. Возраст: 12 лет. Сопроводительные документы: протокол полиции, направление соцслужбы. Диагноз при поступлении: психогенный мутизм, острая реакция на стресс, подозрение на посттравматическое расстрой-

ство. Физически здоров. Рекомендации: наблюдение, покой, работа с психологом. Примечание: при себе имел деревянную фигурку (солдатик) и визитную карточку на имя д-ра Соломона Райта. Вещи не изымались по просьбе следователя Ольсена.

Запись от 20 октября: Мальчик не говорит. На контакт не идёт. Рисует много, почти всё время. Рисунки тёмные, с повторяющимися изображениями глаз и теней. Психолог рекомендует не прерывать, считать это формой терапии.

Запись от 2 ноября: Воспитатели жалуются, что рисунки пугают других детей. Переведён в отдельную комнату.

Запись от 15 ноября: ночью слышали, как мальчик разговаривает во сне. Голос низкий, слова неразборчивы. На вопрос, с кем он говорил, ответил шёпотом: «Она приходила». Больше ничего не пояснил.

После похорон Фенрис перестал говорить.

Не сознательно. Просто слова исчезли. Он открывал рот, пытался выдать хоть звук — и ничего. Только сухой, хриплый выдох.

Врачи говорили: психогенный мутизм. Травма. Переживёт — заговорит. Психиатры пожимали плечами: бывает, пройдёт.

Фенрис не ждал, когда пройдёт. Он начал рисовать.

Сначала просто линии. Чёрные, угольные, они перечёрки-

вали бумагу, как трещины на старом зеркале. Потом тени. Он научился передавать плотность темноты — не просто закрашивать лист чёрным, а делать так, чтобы тьма казалась живой, дышащей, готовой выплеснуться за края. Потом лица — размытые, без чётких черт, но с глазами. Глаза он рисовал всегда. Сотни глаз, смотрящих из темноты.

Воспитатели в приюте сначала радовались: ребёнок находит выход эмоциям. Потом перестали радоваться. Потом начали бояться.

— Ты видел, что он нарисовал вчера?

— Не хочу видеть. Сожги.

Фенрис не обижался. Он просто рисовал дальше.

Однажды вечером, когда он сидел над очередным листом — арка, а за ней что-то бесформенное, голодное, — к нему подошла воспитательница, фрау Мюллер. Она была молчаливой женщиной с усталыми глазами, единственная, кто не боялся его рисунков.

— Что это? — спросила она тихо.

Фенрис не ответил. Он смотрел на рисунок, и линии под его взглядом словно шевелились.

— Я видела такое, — вдруг сказала фрау Мюллер. — Давно. В детстве. Мне снился такой же коридор. И маски на стенах.

Фенрис поднял на неё глаза. Она вздрогнула, будто сказала лишнее, и вышла. Больше она к нему не подходила. А через неделю уволилась — без объяснений, просто собрала

вещи и уехала. Фенрис запомнил это: первая ниточка, первый человек, который увидел в его рисунках не безумие, а узнавание, — и исчез.

Иногда, когда никто не видел, он доставал из кармана фигурку. Солдатик. Тёплый. Дерево было старым, потрескавшимся, но почему-то гладким на ощупь, как камень в реке.

Отец вырезал много фигурок. Фенрис помнил запах стружки, тихое жужжание стамески, длинные пальцы, держащие деревянную заготовку. Но этот солдатик был другим. Отец его не делал. Фенрис нашёл его на дне коробки, среди старых инструментов, уже после похорон.

Рядом лежала та самая визитка Райта — он переложил её в карман куртки, сам не зная зачем. А ещё была газетная вырезка, которую он тоже спрятал в блокнот. Три предмета, три зацепки. Он раскладывал их перед собой по вечерам и смотрел, как будто ждал, что они заговорят.

Однажды ему показалось, что буквы на визитке дрогнули. «Ул. Скорбящих, 7» — адрес стал чуть ярче, словно подсвеченный изнутри. Фенрис моргнул — всё вернулось. Он не знал, было это на самом деле или нет. Такие вещи случались с ним теперь постоянно.

Иногда, засыпая, он сжимал фигурку в кулаке. И ему казалось, что кто-то шепчет. Тихо, почти неразборчиво.

«Спрашивай...»

Рапорт ночного дежурного, приют Святого Варфоломея,
3 декабря

В 2:40 ночи воспитанник из комнаты №12 (Кроу Ф.) был замечен стоящим у окна в коридоре. Глаза открыты, но на обращённую речь не реагировал — предположительно, сомнамбулизм. На стекле окна обнаружены следы: изображение глаза, нарисованное пальцем по запотевшему стеклу. Мальчик был отведён в постель, стекло вытерто. Утром воспитанник ничего не помнил, на вопросы не отвечал.

Приписка заведующей: «Третий случай за месяц. Прошу усилить наблюдение».

Фенрис не помнил, как ходил во сне. Но, просыпаясь, иногда чувствовал на пальцах влагу. И запах — тот самый, сладковатый, из ночи убийства. Он пробирался сквозь закрытые окна, просачивался сквозь стены, накатывал волнами.

Никто не верил ему. Вернее, он никому не рассказывал. Но по взглядам, которые бросали на него воспитатели, по тому, как быстро они убирали его рисунки, Фенрис понимал: они тоже чувствуют. Просто боятся назвать.

Он снова открыл блокнот — туда, где лежала вырезка. «Он говорил, что нашёл в земле что-то, что не должно было там лежать». Отец нашёл фигурку в земле. В тот день, когда копал колодец на заднем дворе. Фенрис помнил этот день — отец вернулся перепачканный, возбуждённый, показывал

матери что-то в кулаке. Она всплеснула руками: «Опять ты со своими древностями!» А он засмеялся и сказал: «Эта — особенная».

Особенная. Тогда Фенрис не придавал значения. Теперь это слово звенело у него в ушах, как колокол.

Он достал визитку Райта. Улица Скорбящих. Даже название звучало как предупреждение. Или приглашение.

Тени в углу шевельнулись, и Фенрис услышал уже знакомый шёпот:

— Ты должен спросить. Ты должен найти. Ты должен...

Он сжал фигурку, и голос стих.

Утром он проснулся с ощущением, что что-то изменилось. На тумбочке лежал его блокнот, открытый на чистой странице. Но на полях, едва заметно, темнела надпись. Не его почерком — тонким, как паутина.

«Лилит».

Глава 3. Тепло, которому нельзя доверять

Газета «Скиадэльский курьер», 3 февраля, утренний выпуск

ТРАГЕДИЯ НА ФЕРМЕ: МУЖЧИНА НАЙДЕН МЁРТ-ВЫМ, ЖЕНА В ТЯЖЁЛОМ СОСТОЯНИИ

Вчера утром в небольшом хозяйстве за городом обнаружено тело Якоба Ф., 43 года. Причина смерти — асфиксия в результате повешения. Жена погибшего, Петра Ф., 39 лет, найдена рядом в состоянии острого психоза. По предварительным данным, супруги недавно взяли под опеку ребёнка

из приюта. Мальчик не пострадал. Соседи характеризуют семью как благополучную. Полиция не исключает несчастный случай на фоне нервного срыва. Расследование продолжается.

Фрагмент протокола осмотра места происшествия, 2 февраля, следователь Ольсен

...Сарай на заднем дворе. Тело мужчины висит на балке, лицо посиневшее, глаза открыты. Рядом на земле сидит женщина (жена), раскачивается, бормочет: «Они пришли, они пришли...». Ребёнок (12 лет, приёмный) находился в доме, в своей комнате. На вопросы не отвечает. При осмотре вещей мальчика обнаружены: деревянная фигурка (солдатик), визитная карточка психиатра Райта, старая газетная вырезка о двойном убийстве на улице Теней. Изъято для дальнейшего анализа.

Примечание: фигурка была тёплой на ощупь, несмотря на холод в комнате (окно открыто).

Петра и Якоб взяли его через полгода.

Они жили за городом, в старом доме с большим садом. Петра работала ветеринаром, Якоб вёл фермерское хозяйство. Детей у них не было, но они очень хотели.

Фенрис продержался две недели.

Первые дни были спокойными. Почти счастливыми. Петра научила его доить козу — её звали Белкой, у неё были тёплые бока и влажный нос, и она доверчиво тыкалась в ладонь, ожидая хлебной корочки. Якоб показывал, как точить ножи для разделки: длинные лезвия с тонкой насечкой, маслянистый блеск стали, запах точильного камня. Фенрису нравилось наблюдать за его руками — уверенными, спокойными, совсем как у отца. По вечерам они пили чай с мёдом, и Фенрис впервые за долгое время почти чувствовал себя в безопасности.

Почти.

Уже через неделю он начал замечать: по ночам в сарае горит свет. Якоб уходил туда после ужина и сидел допоздна. Однажды Фенрис спросил, что он там делает. Якоб помолчал, потом ответил: «Смотрю». — «На что?» Якоб отвёл глаза и сказал: «На старые вещи».

Фенрис не стал спрашивать. Но когда никто не видел, заглянул в сарай. На верстаке, среди стружки, лежала книга. Старая, в кожаном переплёте, с тем же символом на обложке, что и на визитке Райта — не то цветок, не то глаз. Рядом стояла свеча, почти догоревшая.

Он не решился открыть книгу. Но с того дня сон его стал тревожнее. Тени возвращались каждую ночь. Они сгущались в углах, ползли по стенам, и фигурка в кармане пижамы становилась то горячей, то ледяной.

На пятнадцатую ночь он проснулся от холода.

Фигурка была ледяной. Впервые за всё время.

Он сел на кровати и увидел их.

Тени. Не на стене — в углах комнаты. Они двигались, текли, тянулись к нему длинными, бесформенными руками. Из глубины комнаты, из-за шторы, из-под кровати. Одна тень была гуще остальных — она колыхалась, как дым, и в ней угадывались очертания лица. Того самого, из первой ночи. Глаза-угли.

Фенрис не закричал. Он просто смотрел.

— Фенрис... — прошелестело из темноты. — Ты обещал...

Он не помнил никаких обещаний. Но голос звучал так, будто говорил с ним всю жизнь.

— Ты нашёл зацепки, — продолжал голос. — Ты должен идти. Должен спрашивать. Пока не поздно.

Тень протянула руку — длинную, с неестественно выгнутыми пальцами — и почти коснулась его лица. Фенрис вжался в подушку. Фигурка в кулаке стала обжигающе ледяной, а потом вдруг — горячей, как уголёк. Тень отдёргнулась.

— Ты не можешь прятаться вечно, — прошептала она и растаяла.

Утром Якоба нашли в сарае. Он висел на балке, лицо синее, глаза открыты. Петра сидела рядом на земле и раскачивалась, бормоча: «Они пришли, они пришли, они пришли...»

Фенрис стоял в дверях сарая и смотрел. Запах смерти вернулся — сладковатый, металлический. И ещё что-то новое: запах старой бумаги, той самой книги.

Он подошёл к верстаку. Книга исчезла. Но на её месте лежал клочок бумаги, вырванный из газеты. Фенрис развернул его.

«...специалиста по старым культам... подземные ходы...»

Та же заметка. Кто-то оставил её здесь. Или она сама нашла его.

Её увезли в клинику. Фенрису забрали соцработники.

Фигурка в его кармане снова стала тёплой.

Глава 4. Имена на полях блокнота

Подборка заметок из газеты «Скиадэльский курьер», отдел происшествий, весна — лето

ТРАГЕДИЯ В СЕМЬЕ УЧИТЕЛЬНИЦЫ: СЫН УБИЛ МАТЬ И ПОКОНЧИЛ С СОБОЙ!

В ночь на 12 марта в квартире на улице Скорбящих обнаружены тела Анны Л., 47 лет, учительницы младших классов, и её сына Марка, 29 лет. По версии следствия, Марк нанёс матери множественные ножевые ранения, после чего перерезал горло себе. Мотивы выясняются. Приёмный ребёнок, находившийся в квартире, не пострадал и передан соцслужбам.

ПЕНСИОНЕРКА ВЫБРОСИЛАСЬ ИЗ ОКНА — ВНУЧКА ПРОПАЛА!

14 апреля в доме на улице Теней произошла трагедия: Агнесса В., 72 года, выпала из окна третьего этажа. Её девятилетняя внучка Лена, находившаяся в квартире, пропала. Поиски ведутся вторую неделю. Соседи утверждают, что неза-

долго до трагедии в доме появился приёмный мальчик.

НАЙДЕНО ТЕЛО ПРОПАВШЕЙ ДЕВОЧКИ!

23 апреля в старом колодце на окраине города обнаружено тело Лены В., пропавшей две недели назад. Причина смерти — утопление. Следов насилия не обнаружено. Расследование продолжается.

ДВЕ СМЕРТИ В СЕМЬЕ АЛКОГОЛИКОВ!

7 июня в квартире на площади Бездны обнаружены тела Грегора и Инги С. Грегор утонул в ванне при невыясненных обстоятельствах, Инга скончалась от сердечного приступа. Приёмный ребёнок, проживавший в семье, передан соцслужбам.

Из личного дела Фенриса Кроу, раздел «Заключения и рекомендации»

Случай №47-К признан исключительным. За период с октября по июнь мальчик сменил пять приёмных семей. В каждом случае через 2–5 недель после его появления происходили трагические события, повлёкшие гибель одного или нескольких членов семьи. Общее число жертв — семь человек. Сам воспитанник физически не пострадал ни в одном из инцидентов. Психологическое состояние оценивается как стабильно-отстранённое. Мальчик по-прежнему не говорит или говорит крайне мало. Причины происходящего не установлены. Рекомендация: категорически не рекомендуется к

дальнейшему усыновлению. Перевести в специализированное учреждение за пределами города.

Подпись: зав. приютом Айзен.

Резолюция соцслужбы: Согласовано. Перевод в интернат невозможен по причине отсутствия мест. Рассмотреть вариант с приёмной семьёй, не имеющей других детей, в отдалённом районе. На контроле у следователя Ольсена.

Вторая семья появилась быстро — соцработники тогда ещё верили, что Фенрису можно помочь, что цепь смертей — случайность, трагическое совпадение.

Учительница Анна жила в квартире на улице Скорбящих — той самой, где располагался кабинет доктора Райта. Фенрис заметил это сразу, как только вышел из автобуса. Улица была узкой, мощёной старым булыжником, с высокими домами, жмущимися друг к другу. На углу висела табличка с номером семь — кабинет Райта был в двух шагах. Фенрис смотрел на дверь, обитую чёрной кожей, и чувствовал, как фигурка в кармане становится теплее. Словно узнавала это место.

Анна была мягкой, немного грустной женщиной. Она учила его играть на пианино — простые мелодии, которые звучали в пустой квартире слишком громко, слишком беззащитно. Её взрослый сын Марк работал программистом, сидел дома, почти не выходил. Он был тихим, но Фенрис ло-

вил на себе его взгляды — долгие, изучающие, словно Марк пытался разглядеть в нём что-то, чего не видели другие.

Однажды Марк подошёл к нему, когда Анна была на кухне, и спросил шёпотом:

— Ты ведь тоже их видишь? Тени?

Фенрис не ответил, но Марк прочёл ответ в его глазах. Он кивнул, будто получил подтверждение давней догадки, и вышел.

Через три недели Марк зарезал Анну кухонным ножом, а потом перерезал горло себе. Соседи вызвали полицию, услышав крики. Фенриса нашли в шкафу в своей комнате. Он сидел, сжимая фигурку, и смотрел в одну точку. На вопрос полицейского, что случилось, он не ответил. Но в блокноте, который он теперь всегда носил с собой, появилась новая запись — тонким паутинным почерком: «Он слышал их. Они сказали ему. Он не смог отказаться».

— Он всё видел? — спросил полицейский у соцработника.

— Не знает. Не говорит.

Третья семья — бабушка Агнесса и внучка Лена, девяти лет. Они жили в старом доме на улице Теней, в том самом районе, где когда-то стоял дом Кроу. Фенрис это понял не сразу — слишком много месяцев прошло. Но однажды, выглянув в окно, он увидел знакомые очертания: соседний дом, третий этаж, крайнее правое окно. То самое, где колыхалась штора. Он отшатнулся.

Лена была светлым, смешливым ребёнком. Она не боялась его рисунков — наоборот, просила нарисовать ей единорога. Фенрис рисовал, и на бумаге выходили тени с рогами, но Лена смеялась и говорила: «Красиво». Она была единственной, кто не чувствовал тьмы вокруг него. Или чувствовала, но не боялась.

Агнесса выбросилась из окна через три недели. Лена пропала в ту же ночь.

Фенрис помнил, как проснулся от холода — фигурка снева стала ледяной. Тени в углу шевелились, но теперь они не тянулись к нему. Они словно ждали чего-то. Или кого-то. Утром Лены не было.

Её нашли через неделю в старом колодце на окраине города. Фенриса на этот раз не спрашивали. Просто забрали и увезли.

Четвёртая семья — алкоголики. Они взяли его ради пособия и быстро пожалели. Отец, вечно пьяный Грегор, кричал по ночам, швырял бутылки в стену. Мать, Инга, сидела на кухне и плакала. Фенрис старался быть незаметным — рисовал в своей комнате, не выходил без нужды. Но тени пришли и сюда.

Грегор утонул в ванне. Инга не помнила, как это случилось. Просто шла мимо и услышала всплеск.

Пять семей. Семь смертей.

Фенрис сидел на кровати в приюте и перебирал свои зацепки. Визитка Райта. Газетная вырезка. Блокнот с чужими

надписями. И фигурка — всегда тёплая, всегда «ждущая».

Он не знал, почему тени убивают всех, кто его окружает. Не знал, почему его самого они не трогают. Но он начинал понимать: это не проклятие. Это выбор. Кого-то или чего-то, что следит за ним из темноты.

В личном деле Фенриса Кроу появилась запись: «Категорически не рекомендуется к усыновлению».

Но в мире уже нашлись те, кто не читал его дело. Или читал — и всё равно не боялся.

Глава 5. Дом с закрытыми глазами

Путевой лист № 347, серый микроавтобус 14-К, водитель — Гюнтер Райнеке

Дата: 15 октября. Маршрут: приют Св. Варфоломея — интернат №3 (Ольденбург) — Скиадэль. Пассажиры: Кроу Ф., 13 лет (направление — семья Вейс, ул. Теней, 12). Особые отметки: не говорит, при себе имеет деревянную игрушку. Примечание: мальчик спокоен. В дороге рисовал. Просил не выключать свет в салоне.

Приписка водителя на полях: «Странный пассажир. В зеркало заднего вида иногда казалось, что за ним кто-то сидит. Но салон был пуст. Спишем на усталость».

Фенрису было тринадцать, когда серый микроавтобус привёз его в Скиадэль.

Дорога заняла почти шесть часов. За окном проплывали

поля, перелески, редкие деревни с островерхими крышами — но чем ближе к Скиадэлю, тем ниже становилось небо, тем гуще туман. Он наползал с реки, которую Фенрис пока не видел, но чувствовал — по запаху воды, по влажному холоду, просачивающемуся сквозь щели в дверях. Водитель, Гюнтер, высокий молчаливый мужчина с прокуренными пальцами, иногда поглядывал в зеркало заднего вида и хмурился. Фенрис заметил это краем глаза, но не придавал значения. Он привык, что на него смотрят странно.

Город встретил его туманом. Октябрь здесь был сырым, тягучим, с запахом речной воды и старого камня. Дома в центре жались друг к другу, узкие улицы петляли между ними, а в конце главной, площади Бездны, возвышался Собор Всех Теней из чёрного гранита, похожий на сжатый кулак. Его шпиль терялся в низких облаках, и казалось, что собор уходит прямо в небо — или втягивает небо в себя.

— Скиадэль, — сказал водитель, не оборачиваясь. Голос у него был глухой, с хрипотцой. — Древнее название. В переводе с одного старого языка — «Теневая долина». Местные говорят, тут тени живут своей жизнью.

Фенрис промолчал. Он всегда молчал.

— Я тут бывал пару раз, — продолжал Гюнтер, словно разговаривая сам с собой. — Станный город. Слишком много старых домов, слишком много тумана. И люди... люди здесь другие. Будто всё время ждут чего-то.

Он затормозил у перекрёстка. На углу стояла старуха в

чёрном платке — неподвижно, как статуя. Она не переходила дорогу, просто стояла и смотрела на автобус. Фенрису показалось, что её глаза, тёмные и глубокие, смотрят прямо сквозь тонированное стекло, прямо на него. Старуха едва заметно кивнула — и отвернулась.

— Видал? — хмыкнул Гюнтер. — Говорю же, странные.

Автобус остановился у трёхэтажного дома из светлого камня, с остроконечной крышей и резными наличниками, на которых угадывались странные символы — не то цветы, не то глаза. Дом стоял на холме, откуда открывался вид на Лету и старый чугунный Мост Вздохов. Фенрис сразу заметил грифонов на перилах — каменные, с потрескавшимися крыльями, они смотрели на реку, как часовые.

На крыльце ждали двое.

Мужчина — высокий, худой, с усталыми добрыми глазами и руками, пахнувшими деревом и старой бумагой. Одет в простую рубаху и вязаный жилет, на плечах — следы стружки. Женщина — мягкая, светловолосая, с улыбкой, от которой почему-то хотелось улыбнуться в ответ. В руках она держала плед, будто ждала, что Фенрис замёрзнет по дороге. И он действительно замёрз, хотя в автобусе было тепло.

Фенрису на миг показалось, что их лица чуть размыты — словно он смотрит сквозь воду. Он моргнул, и видение прошло. Только лёгкое головокружение осталось, да чувство, что он уже видел этих людей. Не в жизни. В другом месте.

— Эрик Вейс, — представился мужчина, протягивая ру-

ку. Ладонь была тёплой, сухой, с мозолями от инструментов.
— А это Нора, моя жена.

Фенрис пожал руку. Прикосновение было странно знакомым. Как будто он касался этой руки много раз, в другой жизни, в другом времени.

— Мы читали твоё дело, — сказала Нора без тени смущения. Голос у неё был мелодичный, с лёгкой хрипотцой, как у человека, который много поёт или много молчит. — Всё. И знаешь что?

Фенрис поднял глаза.

— Нам плевать, — улыбнулась она. — Пошли в дом. Я испекла яблочный пирог.

Фенрис сделал шаг вперёд.

Фигурка в кармане дрогнула. Сильно. Как будто предупреждая. Или узнавая.

На мгновение ему показалось, что за спиной Норы мелькнул силуэт. Крылатый. Прозрачный. С глазами без зрачков. Он был выше человеческого роста — почти достигая притолоки, — и от него веяло не холодом, а чем-то древним, как от старых камней под землёй.

— Ты в порядке? — спросил Эрик, заметив его взгляд.

Фенрис моргнул — видение исчезло. Нора стояла на пороге, обычная, земная, с пледом в руках.

— Да, — прошептал он. — Просто... долго ехали.

— Идём, — повторила Нора. — Не стой на холоде. В Скиадэле холода особенные — пробирают до костей, если долго

стоять на месте. Город не любит неподвижности.

Фенрис вошёл в дом. Внутри пахло корицей, яблоками и чем-то ещё — может быть, старым деревом, может быть, временем. На стенах висели фотографии в тёмных рамках, но лиц он не успел разглядеть. В гостиной потрескивал камин, и тени от огня плясали на стенах, как живые.

Гюнтер выгрузил его скучный чемодан на крыльцо, кивнул и уехал, бросив напоследок странный взгляд — не на Фенриса, а на дом. На его крышу, на окна, на символы на наличниках. Фенрис успел заметить, как водитель перекрестился, прежде чем захлопнуть дверь.

— Он хороший человек, — сказал Эрик, проследив его взгляд. — Просто не понимает. Многие не понимают. А мы понимаем.

— Что? — спросил Фенрис.

Эрик улыбнулся.

— Что тьма — не всегда зло. Иногда она — просто другая сторона света.

Нора появилась в дверях кухни с пирогом в руках.

— Мой руки, — скомандовала она. — И за стол. Разговоры о тьме — после ужина.

И Фенрис, сам не зная почему, улыбнулся в ответ. Впервые за долгое время.

Глава 6. Карта, нарисованная до нас

Фрагмент из краеведческого журнала «Скиадэльская старина», выпуск № 12 за 1998 год

ЗАГАДОЧНЫЕ НАХОДКИ В ДОЛИНЕ ЛЕТЫ!

...Особый интерес представляют так называемые «лики» — деревянные маски, которые до сих пор находят в земле при строительных работах. Все они делятся на два типа: мужские, с открытыми глазами, и женские, с закрытыми. Датировка затруднена: дерево не поддаётся радиоуглеродному анализу, а стиль резьбы не соответствует ни одной известной культуре. Местные легенды утверждают, что маски — это «стражи порога», оставленные древними, чтобы запечатать входы в подземные чертоги. Любопытно, что в городе существует негласное общество коллекционеров, готовых платить значительные суммы за хорошо сохранившиеся экземпляры. Один из таких коллекционеров, пожелавший остаться неназванным, сообщил нашему корреспонденту: «Они не просто дерево. Они хранят тепло». На вопрос, что он имеет в виду, коллекционер ответил: «Прикоснитесь — и поймёте».

Его комната оказалась на втором этаже, угловая, с двумя окнами.

Одно выходило на Лету — широкую, тёмную, с медленным течением. Вода казалась почти чёрной, и только у берегов, где туман был гуще, она отливала серебром. Другое — на Мост Вздохов, чугунный, с фигурами грифонов на перилах. Здесь грифоны смотрели не на реку, а в город. Как будто охраняли. У одного, самого старого, с отбитым крылом,

была трещина на морде — словно шрам. Фенрис заметил его сразу и почему-то не мог отвести взгляд.

— Тут тихо, — сказал Эрик, ставя на подоконник горшок с геранью. Ярко-красные цветы казались чужеродными в этой серо-чёрной гамме, но именно поэтому притягивали взгляд. — Иногда по ночам туман поднимается, но ты не пугайся. Это Скиадэль, тут всегда так.

— А если станет страшно, — добавила Нора из коридора, — стучи в стену. Мы рядом.

Фенрис кивнул и принялся осматриваться. Комната была небольшая, но уютная. В углу стоял мольберт — новый, ещё пахнувший краской и деревом. Рядом — коробка с углём, карандашами и плотной бумагой. Фенрис провёл пальцем по холсту: зернистый, хороший, на таком и тени получаются живыми. Кто-то готовился к его приезду. Кто-то знал, что он рисует.

Но было кое-что ещё.

На стене, над мольбертом, висела маска.

Старая, деревянная, покрытая трещинами. Она изображала человеческое лицо, но глаза были закрыты, а губы сжаты в тонкую линию. От неё веяло чем-то... древним. Тяжёлым. Как от старых церквей или музейных подвалов.

— Это? — перехватил его взгляд Эрик. — Нашли на чердаке, когда въехали. Нора хотела выбросить, но я оставил. Красивая работа. Я немного разбираюсь в резьбе — сам столяр, — так вот, такой техники я не встречал. Дерево старое,

но не гниёт. И узор... видишь? — Он указал на висок маски, где тонкие линии складывались в спираль. — Похоже на буквы, но я не смог прочесть.

— Она не простая, — вдруг сказала Нора из коридора. Голос её звучал странно — с эхом, будто она говорила из дальней комнаты, хотя стояла в двух шагах. — Она ждёт.

— Нора? — позвал Эрик.

Тишина. А потом её обычный голос, уже ближе:

— Чай готов. Спускайтесь.

Эрик пожал плечами, улыбнулся — но в его глазах мелькнула тень, которую Фенрис уже научился замечать у людей. Тень, означавшая: «Я что-то знаю, но говорить не буду».

— Извини, — сказал он. — Она у меня с причудами. Любит старые легенды. Когда-то даже состояла в краеведческом кружке, пока он не распался. Странная история, кстати: все члены кружка один за другим заболели и уехали из города. Нора говорила, что они «слишком глубоко копали». Я не спрашивал.

Он вышел, оставив Фенриса одного.

Фенрис огляделся. Кроме мольберта и кровати, в комнате стоял письменный стол — старый, дубовый, с выдвижными ящиками. Он потянул один — заперто. Второй — тоже. Третий поддался. Внутри лежал сложенный лист бумаги. Фенрис развернул.

Это была карта. Старая, начерченная от руки, с выцветшими чернилами. В центре — Скиадэль, расчерченный на

квадраты. От Собора Всех Теней расходились линии — красные, тонкие, как паутина. Они тянулись под домами, под Летой, под Мостом Вздохов. На каждой линии — пометка: «Вход», «Завал», «Маска». И одна, самая жирная, вела от колодца на заднем дворе к центру паутины, где было написано одно слово: «Она».

Фенрис сглотнул. Он не знал, кто оставил карту. Может, Эрик. Может, предыдущие жильцы. Может, тот краеведческий кружок, который «слишком глубоко копал». Но карта была здесь — и она ждала его.

Он аккуратно сложил лист и спрятал в свой блокнот. Теперь у него было три зацепки, карта и маска.

Фенрис подошёл к маске. Протянул руку.

В тот момент, когда пальцы коснулись дерева, в голове вспыхнуло.

Зал. Огромный, каменный. Свечи в человеческий рост, зелёное пламя дрожит, отбрасывая на стены гигантские тени. Две фигуры в белых одеждах стоят на коленях перед тронном, на котором сидит ОНА. Женщина с чёрными волосами — они струятся по ступеням, как вода, как сама тьма. Глаза без зрачков. На лицах коленопреклонённых — такие же маски. И голос, низкий, вибрирующий, проходящий сквозь кости: «Эрик. Нора. Вы будете стражами вечности. Ваши лица останутся здесь, а души уйдут в мир — ждать»

Фенрис отдёрнул руку и упал на колени. Сердце колотилось где-то в горле. Дерево маски было тёплым. Не как фи-

гурка — по-другому. Оно было тёплым, как кожа живого человека.

— Всё хорошо? — спросил Эрик, появляясь в дверях. Он смотрел на Фенриса, на маску, на его дрожащие пальцы.

— Да, — прошептал Фенрис. — Просто... показалось.

Эрик подошёл, встал рядом. Положил руку ему на плечо.

— Знаешь, — сказал он тихо, — мне она тоже кажется... живой. Иногда я смотрю на неё и думаю: а что, если закрытые глаза — не навсегда? Что, если однажды она откроет их?

Он помолчал.

— Глупости, да? Скажешь — старый столяр переработал.

— Нет, — ответил Фенрис. — Не глупости.

Эрик сжал его плечо и вышел.

Фенрис остался один. Маска висела на стене — неподвижная, старая, с закрытыми глазами. Но теперь он знал: она не просто дерево. Она — свидетель. Как и он.

Глава 7. Час, когда замирают часы

Из дневника доктора Соломона Райта, запись без даты (предположительно, 1980-е годы)

...Случай №12. Девочка, 9 лет. Утверждает, что по ночам к ней приходят «тени с глазами». Родители считают, что это ночные кошмары. Однако примечательно другое: девочка описывает один и тот же коридор, одни и те же маски на стенах, которые она никогда не видела в реальности. Когда я показал ей фотографию маски из моей коллекции, она сказала: «Эта тётя спит, но скоро проснётся». Совпадение?

Вряд ли. За последние десять лет я зафиксировал уже семь подобных случаев. Все дети — сироты или приёмные. Все они рисуют одно и то же. Все они упоминают имя «Лилит». Пора признать очевидное: подземелья Скиадэля — не миф. И то, что в них спит, — не легенда.

Он проснулся в три ночи от тишины.

Не от шума, не от скрипа — от её отсутствия. Тишина в Скиадэле была плотной, как вата. Даже часы на стене не тикали — Фенрис точно помнил, что с вечера они шли, размеренно отсчитывая секунды, но теперь их стрелки замерли на трёх. Слово время здесь текло иначе — или остановилось совсем, затаив дыхание вместе с ним.

Фенрис сел на кровати.

Луна светила в окно, отбрасывая на пол длинные тени от перил Моста Вздохов. Но тени были неправильные. Они не совпадали с очертаниями грифонов — были длиннее, тоньше, изломаннее. Одна из них, самая дальняя, шевельнулась. Фенрис замер. Тень замерла тоже. Он выдохнул — тень качнулась, будто вдохнула его выдох.

Туман поднимался с Леты — медленно, как живое существо, переваливаясь через парапет, перетекая через подоконник. В его клубах угадывались очертания — то ли фигур, то ли просто игры света. Фенрис слышал, как туман дышит: влажное, чуть свистящее дыхание, словно у спящего зверя.

Фигурка в кармане пижамы была горячей. Почти обжигала.

Они пришли не сразу.

Сначала просто лёгкое движение в углу, краем глаза. Потом тень у двери стала длиннее, чем должна быть — она вытянулась вверх, к потолку, и на её конце сгустилось что-то, похожее на голову. Потом из-под кровати показались пальцы.

Длинные, серые, с неестественно выгнутыми суставами. Они шарили по полу, ища, за что уцепиться — за половицу, за край ковра, за самую темноту. Фенрис слышал их: тихое царапанье, как будто мышь скребётся, только медленнее, тяжелее.

Фенрис не дышал.

Из-под кровати полезло оно. Бесформенное, текучее, с десятком глаз, разбросанных по телу как попало. Глаза были разного размера: одни — крошечные, как булавочные головки, другие — крупные, с человеческий кулак. И все они смотрели на него. Все сразу. Не мигая.

Фенрис чувствовал запах. Тот самый — сладковатый, с металлическим отливом. Запах из ночи убийства. Но теперь к нему примешивалось что-то ещё: запах сырой земли, старого камня, подземелий. Запах, который он уже ощущал — там, в видении, когда коснулся маски.

— Фенрис... — прошелестело из глубины твари. Голос был не один — множество голосов, сплетённых в шёпот,

мужские и женские, старые и молодые. — Мы ждали... так долго ждали...

Фенрис сжал фигурку. Дерево обожгло ладонь.

— Ты обещал вернуться... обещал отдать нам то, что взял...

— Я ничего не брал, — прошептал Фенрис.

Голос сорвался, прозвучал хрипло, незнакомо. Но тварь услышала. Она замерла. Глаза на её теле завращались, фокусируясь на нём.

— Ты не помнишь... — прошелестело из глубины. — Ты ещё не помнишь... но вспомнишь...

Из массы твари отделилась рука — длинная, тонкая, с пальцами, заканчивающимися не ногтями, а чем-то вроде когтей или обломков костей, — и потянулась к горлу Фенриса. Он чувствовал исходящий от неё холод — не простой, а глубинный, как из погреба, как из могилы.

И вдруг — свет.

Он вспыхнул резко, без предупреждения, залил комнату золотым сиянием. Фенрис зажмурился, а когда открыл глаза — увидел Нору.

Она стояла в дверях. Но не та Нора, что днём. Другая.

Глаза светились тусклым золотом — тем же, что и свет в комнате. За спиной колыхались крылья, прозрачные, как стекло, сотканные из света и теней. Они занимали почти весь дверной проём, и в их переливах Фенрису чудились образы: маски, коридоры, фигура на троне.

— Уйди, — сказала она. Голос звучал не изо рта — ото всюду, из стен, из пола, из воздуха. — Этот дом под защитой. Он — свидетель, но не твоя добыча. Уйди, или я назову твоё имя.

Тварь зашипела. Глаза на её теле стали закрываться один за другим, как будто их гасили. Она втянулась обратно под кровать — медленно, нехотя, как вода в слив.

— Мы вернёмся... — прошепстало напоследок. — Когда защиты не будет... мы всегда возвращаемся...

Исчезла.

Нора моргнула. Крылья пропали. Глаза стали обычными — усталыми, встревоженными. Она стояла в дверях с чашкой чая. Обычная. Человеческая. Только пар от чая дрожал — или это дрожали её руки?

— Фенрис? — позвала она. — Ты кричал?

Фенрис смотрел на неё, не в силах вымолвить ни слова. Он не кричал. Он точно помнил, что не кричал. Но Нора смотрела так, будто слышала крик.

— Нет, — прошептал он наконец. — Просто... приснилось.

Нора кивнула, поставила чай на тумбочку.

— Тут сны часто бывают... беспокойными, — сказала она. — Особенно в первую ночь. Особенно в этом доме. Мы с Эриком тоже... ну, неважно.

Она поправила одеяло, коснулась его лба — рука была тёплой, человеческой, без всякого золотого свечения.

— Я рядом, если что, — повторила она. — Стучи в стену. Мы услышим.

И вышла, прикрыв дверь.

Фенрис смотрел в пустой угол. Потом перевёл взгляд на окно. Тени грифонов снова были неподвижны. Часы на стене тикали. Время шло.

Он не спал до рассвета.

А когда первые лучи упали на подоконник, он увидел след. На стекле, с внутренней стороны, был нарисован глаз. Тонкой линией, словно выведенной пальцем. И под ним — одно слово, едва заметное:

«Спрашивай».

Глава 8. Доктор Райт - человек, коллекционирующий странности

Из дневника доктора Соломона Райта, запись от 16 октября (год не указан, предположительно — день первого визита Фенриса)

...Сегодня он пришёл. Мальчик, которого я ждал двенадцать лет. Он не говорит — или почти не говорит, — но его глаза говорят за него. Они видели то, чего не должны были видеть. Он держит в руках фигурку, которую я узнал сразу: та самая, из коллекции Кроу-старшего. Йонас был хорошим человеком, но слишком любопытным. Слишком глубоко копал. Я предупреждал его. Я предупреждаю всех. Меня не слушают.

Мальчик не знает, кто я. Пока не знает. Но Лилит уже го-

ворила с ним — я вижу её след в его ауре, тёмный, как старое пятно. Она выбрала его. Как выбирала других до него. Но этот — особенный. Этот может стать либо последним Свидетелем, либо первым, кто разорвёт круг.

Посмотрим, что он нарисует.

Доктор Соломон Райт принимал в старом особняке на улице Скорбящих, в пяти минутах ходьбы от дома Вейсов.

Дом номер семь стоял в глубине двора, скрытый от улицы старыми вязами. Их ветви, голые и скрюченные, сплетались над крыльцом, образуя что-то вроде арки. Фенрис шёл по мощёной дорожке и чувствовал, как фигурка в кармане теплеет с каждым шагом. К двери были прибиты три таблички: «Д-р Соломон Райт, психиатр», «Консультации по предварительной записи» и третья, почти стёртая, на которой угадывалось: «Хранитель».

Ему было под семьдесят, но глаза остались молодыми — цепкими, внимательными, чуть насмешливыми. Кабинет напоминал музей: книги от пола до потолка, старинные часы с маятником, чучело совы на шкафу. Сова выглядела так, будто её только что поймали: перья блестели, глаза-бусины следили за каждым движением. На мгновение Фенрису почудилось, будто в глубине её стеклянных глаз вспыхнул и погас зеленоватый огонёк, но он списал это на игру света. И ещё — на стене, в рамке, висела маска. Такая же старая, как у Фен-

риса в комнате, но изображавшая другое лицо. Мужское. С открытыми глазами.

Рядом с маской висел стенд с газетными вырезками. Фенрис заметил знакомые заголовки: «Двойное убийство на улице Теней», «Трагедия на ферме», «Ребёнок найден в шкафу». Вырезки были аккуратно подшиты, снабжены пометками красными чернилами.

— Интересуешься? — спросил Райт, проследив его взгляд. — Это моё хобби. Я коллекционирую странные происшествия. А Скиадэль — кладёзь странностей.

Он взял со стола карту.

— Фенрис Кроу, — прочитал он. — Много о тебе пишут. Фенрис молчал.

— Говорить не обязательно, — Райт отложил карту. — Можешь рисовать. Можешь молчать. Можешь смотреть в окно. Я просто посижу рядом.

Они сидели молча минут двадцать.

Фенрис рассматривал кабинет. На одной из полок он заметил фотографию — старую, пожелтевшую. На ней был мужчина, сжимающий в руке ту самую фигурку-солдатику. Его отец. Фенрис вздрогнул, но промолчал. Райт сделал вид, что ничего не заметил.

Потом Райт встал, подошёл к окну.

— Знаешь, что под этим домом? — спросил он, не оборачиваясь. — Подземелья. Ещё старые, времён первых поселенцев. Ходы на много километров. Говорят, там можно

пройти под всей Летой и выйти на том берегу. Только входы замуровали давно.

Фенрис насторожился.

— Слишком много людей пропадало, — добавил Райт. — Туристы, исследователи, просто любопытные. Заходят — и не возвращаются. А те, что возвращаются... — он помолчал. — Один мой пациент спустился туда в 1970-х. Вернулся через три дня. Не говорил. Только рисовал. Знаешь, что он рисовал?

Фенрис покачал головой.

— Коридоры. Арки. Маски. — Райт повернулся к нему. — Я видел твои рисунки из приюта. Тёмные коридоры, арки, лестницы в никуда. Это не фантазия. Ты рисуешь то, что видишь. Вопрос только — где.

Он открыл ящик стола и достал старый журнал — тот самый, «Скиадэльская старина», с фотографиями масок на вкладке.

— Посмотри на это.

Фенрис перелистал страницы. Фотографии были чёрно-белыми, но он узнал каждую маску. Женские — с закрытыми глазами. Мужские — с открытыми. Такие же, как в его рисунках. Такие же, как в подземельях.

— Откуда они? — прошептал он.

— Из земли. Из подвалов. Из колодцев. — Райт сел напротив. — Их находят по всему Скиадэлю. Кто-то считает их древними артефактами. Кто-то — творениями безумного

резчика. А я считаю... я считаю, что они ждут.

— Ждут чего?

— Возвращения. — Райт снял очки, протёр их. — Ты знаешь, что у каждого города есть своя тёмная сторона? Свой секрет, который он прячет под землёй? У Скиадэля это — Лилит.

Фенрис замер. Имя, которое он уже слышал. Имя, которое являлось ему во снах и на страницах блокнота.

— Вы знаете о ней?

— Больше, чем хотел бы, — ответил Райт. — Она — не миф. Она — реальность, которая старше этого города. Старше памяти людей. И она зовёт таких, как ты.

Он помолчал.

— Твой отец тоже слышал её. Поэтому и начал копать. Сначала в земле — нашёл фигурку. Потом в истории — нашёл упоминания о подземельях. Потом... потом она пришла за ним.

Фенрис сжал фигурку.

— Вы знали моего отца?

— Знал. — Райт посмотрел на фотографию на полке. — Он приходил ко мне за советом. Спрашивал, что делать с находкой. Я сказал: «Оставь. Она защитит мальчика». И она защитила. Ты жив, Фенрис. А это — главное.

Фенрис достал из кармана фигурку. Сам не зная зачем.

Райт посмотрел на неё. Его глаза расширились — чуть-чуть, почти незаметно.

— Можно? — спросил он.

Фенрис протянул фигурку.

Райт долго рассматривал её, поворачивал в руках. Потом поднёс к свету.

— К.И.Н., — прочитал он буквы на основании. — Или К.А.Н. Интересно. В старых текстах упоминается имя «Кин» — так называли первых стражей, которые запечатали вход в подземелья. Возможно, эта фигурка — ключ. Или часть ключа.

Он вернул фигурку.

— У меня для тебя домашнее задание, — сказал он. — Не рисовать. Записывать. Всё, что видишь. Всё, что слышишь. Всё, что помнишь о той ночи. И ещё — всё, что касается них.

— Кого? — прошептал Фенрис.

— Твоих новых родителей, — Райт посмотрел на него в упор. — Эрика и Норы. Они хорошие люди. Очень хорошие. Может быть, слишком хорошие для этого мира. Ты замечал за ними что-нибудь странное?

Фенрис вспомнил светящиеся глаза. Крылья за спиной Норы. Маску на стене.

— Иногда, — сказал он.

— Записывай, — повторил Райт. — И ещё. Если в подземелья полезешь — позови меня. Я хоть и старый, а всё помню. Я спускался туда однажды. Давно. И кое-что вынес оттуда.

Он кивнул на маску на стене — мужскую, с открытыми

глазами.

— Она моя. Я нашёл её там, внизу. И с тех пор... с тех пор я вижу то, чего не видят другие.

Он протянул Фенрису блокнот в кожаном переплёте. На обложке был вытиснен тот же символ, что и на наличниках дома Вейсов — не то цветок, не то глаз.

— Это герб старого Скиадэля, — сказал Райт, перехватив его взгляд. — Говорят, его придумали ещё до города. Те, кто жил здесь первыми. Те, кто построил подземелья.

— Кто они были? — спросил Фенрис.

Райт помолчал. Сова на шкафу, казалось, тоже замерла, ожидая ответа.

— Никто не знает, — ответил он наконец. — Но их маски иногда находят. В земле. В стенах. В подвалах. Всегда с закрытыми глазами. Всегда ждущие.

Он подошёл к окну, выглянул на улицу.

— И знаешь, что самое странное? Их находят только в тех домах, где живут приёмные дети. Как ты. Как другие до тебя. Словно маски знают, куда им нужно попасть.

Фенрис сжал блокнот. Руки дрожали.

— Я не понимаю, — сказал он. — Почему я? Почему мне всё это снится?

Райт обернулся. В его глазах мелькнуло что-то — жалость? страх? узнавание?

— Потому что ты — Свидетель, — сказал он. — Тот, кто видит правду. Тот, кто может выбрать. Тот, кого ждали ты-

сячи лет.

Он положил руку на плечо Фенрису.

— А теперь иди. И помни: записывай всё. Даже то, что кажется сном. Особенно то, что кажется сном.

Фенрис вышел из кабинета с блокнотом в одной руке и фигуркой в другой. Сова проводила его взглядом. Маска на стене — тоже.

На крыльце он остановился и открыл блокнот. На первой странице уже была надпись — тем же паутинным почерком, что и раньше:

«Он знает больше, чем говорит. Спрашивай снова».

И ниже — одно слово:

«Лилит».

Глава 9. Почерк, которого я не узнаю

Из блокнота Фенриса Кроу, страница 1 (вклеена газетная вырезка)

«...специалиста по старым культам... подземные ходы... нашёл в земле что-то, что не должно было там лежать...»

Отец нашёл фигурку. Отец искал специалиста. Райт — психиатр, но он же коллекционер. Он знал отца. Он сказал: «Оставь, она защитит мальчика». Откуда он знал, что фигурка — защита?

Вопросы:

1. Кто убил родителей? Человек или тень?
2. Почему Райт хранит вырезки о смертях в моих семьях?
3. Кто такая Лилит? Почему её имя появляется в моих

записях?

4. Почему Эрик и Нора не боятся? Что они знают?

5. Маска в моей комнате — женская, с закрытыми глазами. Маска Райта — мужская, с открытыми. Они связаны?

Дома Фенрис открыл блокнот.

Страницы были плотными, чуть желтоватыми, с водяными знаками в виде переплетённых линий — похоже на карту, но слишком абстрактную. На внутренней стороне обложки он заметил надпись чернилами, почти выцветшую: «Записано со слов Свидетеля. Круг четвёртый. Да не разорвётся». Кто написал это? Райт? Или кто-то до него? Фенрис провёл пальцем по буквам — они были холодными, как камень.

Он взял карандаш и задумался.

Что он помнит о той ночи?

Он закрыл глаза. Перед внутренним взором всплыла картина: кухня, тёплый свет лампы, мать режет хлеб, отец сидит у окна с новой фигуркой — оленем, почти готовым. Запах стружки. Смех. Обычный вечер.

Потом — темнота. Он лёг спать.

Потом — звук. Глухой, мокрый. Как будто упало что-то тяжёлое. Он не сразу проснулся — звук вплёлся в сон, стал его частью. Ему снилась Лета, чёрная вода, мост, и с моста в воду падали маски — одна за другой, беззвучно, только круги расходились.

Он открыл глаза. В коридоре горел свет.

Он встал. Пошёл. Дверь в спальню родителей была открыта.

Он заглянул.

Провал.

Фенрис замер. Карандаш в руке дрогнул.

Провал. Всегда провал. Сколько он ни пытался — дальше была пустота. Только полосы на стенах — кровавые, длинные, пересекающиеся, как буквы незнакомого алфавита. И фигура у окна. Высокая. Чёрная. Которая обернулась.

Лица он не видел. Только глаза. Два глаза, светящиеся в темноте, как у зверя.

А потом — темнота.

Он открыл глаза. Блокнот был чист. Он не написал ни слова.

Но на полях, на самом краю страницы, кто-то тонким, почти невидимым почерком вывел одно слово:

«Лилит»

Фенрис захлопнул блокнот. Руки дрожали.

Он точно не писал этого.

Из дневника Марты Кроу (матери Фенриса), найденного позже при разборе вещей в приюте — страница без даты

...Йонас опять не спал. Говорит, фигурка по ночам светится. Я не вижу света, но он клянётся, что дерево становится

горячим. Он хочет отнести её этому психиатру, Райту, чтобы тот посмотрел. Я боюсь. Не фигурки — боюсь, что Йонас слишком глубоко копает. Он всегда был таким: найдёт загадку — и не успокоится, пока не разгадает. Но эта загадка... она другая. Она смотрит на нас из темноты. Я чувствую.

Вчера Фенрис спросил, почему папа больше не делает игрушки. Я не знала, что ответить. Йонас теперь только смотрит на солдатика. И солдатик смотрит на него.

Фенрис нашёл этот дневник через несколько лет, уже после больницы, когда разбирал старые вещи в доме Вейсов. Он не знал, как дневник матери попал туда — возможно, Райт сохранил его, возможно, соцработники. Но сейчас, глядя на пожелтевшие страницы, он впервые за долгое время заплакал. Мать говорила с ним через время — предупреждала, хотя не могла знать, что он прочтёт это.

Он перевернул страницу.

...Сегодня Йонас вернулся из подземелий. Он не говорит, что там видел. Только смотрит на меня и шепчет: «Она там. Она ждёт». Кто — она? Я не спрашиваю. Я боюсь услышать ответ.

Фенрис, если ты когда-нибудь прочтёшь это — знай: мы любили тебя. И мы пытались защитить тебя от того, что нашла. Но оно сильнее. Оно старше. И оно уже выбрало тебя. Прости нас.

Фенрис закрыл дневник. В комнате было тихо. Только фигурка на тумбочке — тёплая, как всегда.

— Не бойся, — прошептал голос из угла. Тонкий, девичий. — Я не сделаю тебе больно.

Фенрис обернулся.

В кресле у окна кто-то сидел.

Девушка. Чёрные волосы струились по плечам, касались пола, перетекали в тени, сгустившиеся у её ног. Лица не видно — только силуэт на фоне окна. Но Фенрис знал, что, если бы увидел лицо — не смог бы отвести взгляд.

— Ты носишь то, что принадлежало мне, — сказала она. Голос звучал нежно, но в нём слышались отголоски — как будто говорила не одна, а множество женщин, стоящих за ней. — В другой жизни. В другом круге.

— Кто ты? — прошептал Фенрис. Он не боялся. Он ждал этого.

— Имя, которое ты боишься произнести, — ответила она. — Имя, которое написано в твоём блокноте. Имя, которое твоя мать не решалась сказать вслух. Я всегда была с тобой. С самого начала. Я — та, кого ты называл во сне, когда плакал. Я — та, кто шептала тебе «спрашивай». Я — та, кто отвела руку убийцы в ту ночь.

— Ты спасла меня?

— Я сохранила тебя, — поправила она. — Для того, что должно случиться.

Девушка поднялась. На миг свет упал на её лицо.

Оно было прекрасным. Страшно прекрасным. Кожа — бледная, как лунный свет. Глаза — без зрачков, чёрные, как бездна, но в их глубине мерцали искры, похожие на звёзды. Губы — тёмно-вишнёвые, сжатые в лёгкой улыбке. На шее — тонкий шрам, такой же, как у Норы.

— Мы ещё поговорим, Фенрис Кроу, — сказала она. — Когда ты будешь готов узнать правду. О себе. О своих родителях. О тех, кто дал тебе кров.

— Эрик и Нора? — спросил он. — Кто они?

— Те, кто был до тебя, — ответила Лилит. — Те, кто выбрал запечатать дверь. Теперь выбирать тебе.

— Что выбирать?

— Открыть. Или закрыть. Простить. Или отомстить. Жить. Или...

Она не договорила. Тени в углу шевельнулись — те самые, из первой ночи. Они тянулись к ней, как дети к матери.

— Мне пора, — сказала Лилит. — Они зовут. Но я вернусь. Я всегда возвращаюсь.

Она шагнула к нему. Протянула руку. Пальцы коснулись его щеки — ледяные, но не обжигающие.

— А пока... спи. Тебе нужно много сил.

Фенрис провалился в сон, даже не успев закрыть глаза.

Утром он проснулся с блокнотом в руках. Страница, на которой ночью появилось «Лилит», теперь была исписана целиком. Тем же паутинным почерком, но более разборчиво.

«Ты — пятый Свидетель, Фенрис Кроу. До тебя были четверо. Первый выбрал забыть. Второй — умереть. Третий — предать. Четвёртый — запечатать. Ты выберешь иначе. Ты спросишь».

И ниже — семь имён:

Прима. Акира. Соломон. Эрик. Нора. Мила. Фенрис.

Семь кругов. Семь выборов. Семь концов.

Фенрис перечитал список. Соломон — это Райт. Акира — та, кого он ещё не знает. Прима — имя, которое пока ни о чём не говорило. Эрик и Нора — его родители. Мила — девочка с моста.

И он сам. Последний в списке. Тот, кто спросит.

Он закрыл блокнот, оделся и вышел на улицу. День был серым, туманным — обычный скиадэльский день. На Мосту Вздохов, как всегда, стояла Мила и кормила грифонов хлебными крошками.

— Привет, — сказала она. — Ты чего такой хмурый?

— Я не хмурый, — ответил Фенрис. — Я думаю.

— О чём?

— О выборе.

Мила кивнула, будто поняла, хотя он ничего не объяснил.

— Когда выберешь — скажи, — сказала она. — Я поддержу.

Фенрис посмотрел на грифонов. Тот, со шрамом на морде, смотрел прямо на него.

— Я выберу спросить, — сказал он тихо.

И фигурка в кармане стала тёплой, как согласие.

Глава 10. Королевство, которого больше нет

Из дневника матери Милы (обнаружен позже, при разборе старых вещей)

...Мне снова снился коридор. На стенах — лица. Не живые, деревянные, но они смотрят. Одна маска — женская, с закрытыми глазами — как будто зовёт меня. Я не иду. Я знаю: если подойти слишком близко, она откроет глаза. И тогда я уже не проснусь.

Врач говорит, это последствия аварии. Нервы. Но я знаю: это не нервы. Это город. Он говорит со мной. И он хочет, чтобы я спустилась вниз.

Мила, если ты читаешь это — не ходи в подземелья. Что бы ни случилось. Что бы ни звало тебя. Обещай мне.

Ему снился камень.

Серый, влажный, с выступающими прожилками кварца. Стены уходили вверх и терялись во тьме — не в обычной, а в какой-то глубинной, древней, которая не разгонялась светом. Горели факелы — странным зелёным пламенем, отбра-

сывающим длинные, искажённые тени. Пламя не трещало, не дымило — оно дышало, как живое, то сжимаясь до искры, то раздуваясь в целый язык высотой в человеческий рост.

Фенрис шёл по коридору. Ноги не слушались — двигались сами, будто знали дорогу. Камень под ногами был холодным, но не ледяным — он хранил тепло, словно тело спящего зверя.

Слева — арка. Справа — ещё одна. Везде одинаковые проходы, уходящие в бесконечность. Фенрис попытался сосчитать арки, но сбился — их были сотни, и каждая следующая казалась чуть уже, чуть темнее предыдущей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.